

— Да потому... Ты погляди-ко на себя, какъ ты живешь-то! Грязь, мерзость, вонь! А туда же миллиончика захотѣлъ! Только бы тебѣ хапать; ишь, давеча изъ-за пятака цѣлый часъ торговался... А Владиміръ Антонычъ настоящій баринъ! Онъ миллиончикъ-то возьметъ, да не запрячетъ его въ землю, какъ ты, а себѣ удовольствіе доставить, и другимъ почувствовать дать...

— Батъка, молчи!—предостерегъ Щеноткинъ, ударяя кулакомъ по столу.

— Чего мнѣ молчать-то? Я правду говорю. Мужикъ ты, — мужикъ и есть. А тоже: я-ста, да мы-ста!..

Батюшка не договорилъ. Страшный ударъ кулака потрясъ столъ; посуда, стоявшая на немъ, со звономъ полетѣла на полъ, и грубая мужицкая брань огласила стѣны домика.

Черезъ минуту батюшка, весь блѣдный, выбѣжалъ на дворъ и поспѣшно сталъ отвязывать свою лошадь, безпрестанно оглядываясь на крыльцо.

Батюшка уѣхалъ, сердито хлестнулъ меренка возжей и тронулся обратно. Его сопровождала громкая брань и крики несчастной Катьки, на которой Щеноткинъ вымещалъ свои неудачи.

ХІІІ.

„Теперь я отлично поняла Володькину игру, — писала Леночка нѣсколько дней спустя послѣ знаменитаго пикника, сидя у окна въ дядиной комнатѣ. — Онъ ухаживаетъ за Фирсовой съ цѣлю. Она, говорятъ, страшная богачка, и Володька хочетъ на ней жениться, несмотря на то, что она лѣтъ на 20 старше его. Изъ-за этого-то они и подрались съ этимъ купцомъ на Крутой Шишкѣ. Не могу забыть этой отвратительной сцены! Оба оцѣтинились и оскалились, словно голодные волки около куска мяса. Какъ это подло и гнусно! И Володька — мой братъ!..

„Вчера она опять у насъ была. Со мною она почему-то особенно ласкова и добра. Увела меня въ садъ, усадила около себя, разспрашивала, чтѣ я дѣлаю, и цѣловала. Много говорила о Володѣ, и все увѣряла, что я на него похожа лицомъ. И еще крѣпче начать цѣловать... Должно быть, она его очень любитъ, бѣдная. И не подозреваетъ, что надъ нею всѣ смѣются и обманываютъ ее кругомъ. Особенно это было противно вчера у насъ. Когда она тутъ сидѣла, и отецъ, и мама такъ передъ нею и разсыпались и лебезили, а Володька все ручки ей цѣловать и называлъ ее „ангеломъ“. Но когда она уѣхала — всѣ наперерывъ